

Н. В. Левитская

**КОММЕНТИРОВАНИЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история»)¹**

В этих кратких замечаниях хотелось бы высказать некоторые соображения, к которым я пришла в процессе работы над дипломным сочинением на тему «Петербургские реалии в романе И. А. Гончарова “Обыкновенная история”: Материалы к комментарию».

Только в результате внимательного, «медленного» чтения постепенно понимаешь: увлеченные фабулой, мы воспринимаем лишь часть того, что хотел поведать нам автор, ту часть «айсберга», которая поднимается над водой. И чем дальше по времени отстоит от нас текст, тем больше скрытая, подводная часть этого айсберга, и тем больше такой текст нуждается в комментарии.

Нам понятно, где и когда происходит действие романа, как развиваются отношения между героями, но многое, что могло бы обогатить это понимание, проходит мимо нас, и вместе с этим от нас уходят исторические реалии, обедняется колорит произведения и его образное восприятие.

Читая книгу, мы невольно сами ее иллюстрируем, раскрашиваем, озвучиваем. Мы создаем интерьеры, представляем себе картины природы, облачаем в костюмы персонажей. Так, например, нам представляется возможность одеть молодого героя «Обыкновенной истории» во фрак, известный нам по книжным иллюстрациям, другим произведениям изобразительного искусства, в конечном счете – по концертному костюму музыкантов. В первой главе романа, провожая провинциального юношу в столицу, мать укладывает ему два фрака и говорит при этом: «Это хороший фрак. Куда в хорошие люди пойдешь и надень. Куда попроще в люди, вот этот фрак масака надевай».

Что же означает это непонятное слово «масака»? И каких только догадок не выстроит нам богатое воображение! Может быть, это особый фасон фрака? А может быть, это Ткань такая, более дешевая, поэтому в таком фраке «попроще в люди» можно пойти? Или, может быть, так называется определенная прослойка населения, не очень знатная и состоятельная – «масаки», которые носили такие фраки: «фрак масака», как «бурка казака»? А может быть, это фамилия портного, ставшая нарицательной, как реглан и макинтош? И без энциклопедического справочника Р. М. Кирсановой «Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.» (М., 1995) никак не придет в голову, что «масака» – это цвет, так как цвет в русском языке обозначается обычно прилагательным: «одеяла такого-то цвета». «Масака» – название цвета темно-красного с синим отливом или густо-лилового. Известен в России с XVIII века, но особая популярность его приходится на 1830-е годы. Позже этот цвет становится преимущественно траурным и уходит из светской моды.

¹ Работа выполнена до выхода в свет первого тома академического «Полного собрания сочинений и писем» И. А. Гончарова (СПб.: Наука, 1997).

Вот так неожиданно просто решается эта загадка, и теперь, когда мы читаем у Толстого в «Войне и мире», что барышни отправились на бал в «бархатных маса-ка», у нас это уже не вызывает недоумения.

Цветовой аспект светского костюма не единожды привлекает наше внимание в «Обыкновенной истории». Вот дядя Петр Иванович советует только что приехавшему в Петербург племяннику «одеться прилично». «Александр посмотрел на свое платье и удивился словам дяди. “Чем же я неприлично одет? – думал он, – синий сюртук, синие панталоны...”» (1, II)². Современный читатель недоумевает вместе с Александром Адуевым. А между тем, современникам Гончарова не надо было объяснять, что по моде того времени верхняя часть костюма (до второй половины XIX века мужская одежда была цветной) должна была отличаться по цвету от брюк. Кроме того, в светском костюме не должны были присутствовать основные цвета мундирных фраков и сюртуков – синий и зеленый. Поэтому синий сюртук и совпадающие с ним по цвету панталоны изобличали в Александре провинциала.

Петербург как деловая, промышленная, культурная и светская столица концентрировал в себе основные проблемы жизни всероссийской. Поэтому многие петербургские реалии несут в себе сведения, важные для понимания жизни всей страны. Конечно, архитектурные сооружения, памятники, топонимические и топографические объекты принадлежат, без сомнения, только Петербургу. Это и Исаакиевский собор, и памятник Петру, и Невский проспект, и район Песков, и острова, и мосты... Так, когда Гончаров отмечает, что на молодого провинциала в центре города наводила тоску «каменная ограда одинаких домов, с четырьмя рядами окон», – это не метафора, поскольку Петербург 40-х годов XIX века, самое большое, четырехэтажен, пятиэтажные дома стали появляться здесь лишь с конца 1860-х годов.

Жизнь Петербурга 40-х годов представлена в романе автором-петербуржцем в самых различных аспектах. «Из десяти человек, встреченных вами на петербургских улицах, девять непременно чиновники», – отмечал Некрасов в своем неоконченном романе «Сургучев». Мир петербургского чиновничества был хорошо известен Гончарову, всю жизнь прослужившему в министерстве финансов и вышедшему в отставку в чине действительного статского советника, что в гражданской табели о рангах соответствовало IV классу и приравнивалось к генеральскому чину.

Петр Иванович Адуев «слыл в Петербурге за человека с деньгами». Что привело общественное мнение Петербурга к такому выводу? Наш герой за 17 лет («двадцати лет был отправлен в Петербург <...> и жил там безвыездно семнадцать лет» – 1, II) дослужился до привилегированной и высокооплачиваемой должности чиновника особых поручений, что соответствовало чину по меньшей мере коллежского советника (6-й класс гражданской части табели о рангах), а через 10 – 12 лет романного времени (в эпилоге: «лет десять или двенадцать назад однажды ты, я помню, вот этак же вбежал ко мне...») ему уже «следует» чин тайного советника (Адуев-старший хочет выйти в отставку до получения этого чина). Его благосостояние растет, жалованье вырастает приблизительно от трех до шести тысяч рублей в год³ (для сравнения – Александр Адуев получил первый оклад в 750 руб.), около

² Здесь и далее арабской цифрой обозначена часть романа, римской – глава внутри данной части.

³ См.: Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. V. С. 775 – 779 (Жалованье на государственной службе).

40 000 «чистого барыша» дает выкупленный у компаньонов завод. Адуев-старший отмечен правительственными наградами, так как носит «несколько ленточек в петлице фрака». В обычные, не торжественные дни ордена не надевали, а носили только ленточки, как знак принадлежности к ордену.

Такой человек соответственно своему служебному и имущественному положению жил, как пишет Гончаров, «на большой улице». Это могли быть Морская или Гороховая улицы, Адмиралтейский или Вознесенский проспекты, принадлежащие к первой Адмиралтейской части, – деловому центру города и месту проживания петербургской аристократии и высокого ранга чиновников, предпочитающих жить близко от места службы. На казенную квартиру Петр Иванович права еще не имел⁴ и поэтому соответствующую своему положению квартиру снимал: «Квартира у меня, как видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинет, еще рабочий кабинет, гардеробная да туалетная – лишней комнаты нет» (1, II). Во что обходились ему эти апартаменты, Гончаров не пишет, но можно предположить – не менее тысячи рублей, т. к. по воспоминаниям известного литературного деятеля, профессора А. В. Никитенко, относящимся к 1840 году, семейная квартира в несколько комнат, просторная, удобная, напротив Владимирской церкви стоит 1400 рублей в год⁵. Не будь у Адуева завода, платить треть годового жалованья за такую квартиру ему было бы затруднительно. Сведения о стоимости квартир не всегда можно найти в официальных источниках, так как цены менялись, да и дело это было, в основном, договорное. А в литературном произведении такую информацию почерпнуть можно. Так в романе Гончарова дана стоимость – 40 рублей в месяц, т. е. 480 рублей в год – крошечной квартирki, снятой дядей для племянника в том же доме и состоящей из одной комнаты и передней для человека, с окнами во двор, смотрящими в стену.

Без сомнения, Петр Иванович Адуев не напрасно «слыл за человека с деньгами» – он «держал троих людей и столько же лошадей». Содержать своего кучера и собственную карету с лошадьми в Петербурге было очень дорого. В 1830-е годы, как отмечает Ю. М. Лотман, «отец и муж, известный литератор, вынужденный светским положением к частым выездам – Пушкин не держал лошадей, а имел только карету»⁶, а лошадей нанимал.

Племянника в ответ на его заявление, что он приехал в Петербург пользоваться жизнью, Петр Иванович спрашивает: «Что ж ты наймешь карету, откроешь у себя дни?» Постоянный наем ямской кареты также был очень недешев, и для открытых дней приема была нужна, конечно, совсем другая квартира, чем та, которую на первых порах имел Александр Адуев. Для этого тысячи рублей, что привез с собой Александр, и тех двух с половиной тысяч рублей в год, которые регулярно обещала присылать ему мать, было явно недостаточно. Петр Адуев говорит племяннику: «Вот один мой знакомый привез 50 тысяч и ежегодно будет получать столько же. Он точно будет пользоваться жизнью в Петербурге, а ты нет».

Соблюдая точность в деталях, характеризующих жизнь и быт города, постольку поскольку это накладывало отпечаток на характеристику героев и сюжет, а следовательно – содействовало реализации главных идей романа, Гончаров, тем не менее, не стремился к абсолютной топографической точности, если такие задачи не ставились. Так он «помещает» стеклянный и фарфоровый завод Адуева-старшего в

⁴ Там же. С. 777.

⁵ Никитенко А. В. Дневник: В трех томах. Л., 1955. Т. 1. С. 232.

⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 106.

район Парголова, в то время как все подобные производства были сосредоточены в предместьях Петербурга с противоположной от города стороны, в верховьях Невы (ныне – Невский район). Именно там еще в XVIII веке князь Потемкин построил первый стеклянный завод. Глин, годных для производства фарфора, в районе Парголова, да и вообще в окрестностях Санкт-Петербурга не было, и фарфоровые заводы работали на привозном, как правило, импортном сырье (немецких или французских каолинах).

Несколько слов о процессе работы над комментарием.

По моему замыслу, комментарий адресован широкому кругу читателей и призван способствовать более глубокому восприятию текста, который, кроме своего чисто художественного значения, может служить источником более полного знакомства с жизнью Петербурга 40-х годов.

Первым этапом было составление картотеки петербургских реалий, нуждающихся в комментировании. Это занятие требовало внимательного, «медленного» чтения произведения и проникновения в глубину его текста. Когда выявилась многоаспектность необходимого комментирования, встал вопрос о выборе источников. Ими стали многочисленные словари (толковые, энциклопедические, отраслевые терминологические, иностранных слов), книги по истории костюма и его роли в русской художественной культуре, топонимические справочники и адресные книги Санкт-Петербурга, наконец, воспоминания современников Гончарова, а также произведения классической художественной литературы, действие в которых происходит примерно в те же 40-е годы прошлого века. Образцом и путеводителем в моей работе послужил комментарий Юрия Михайловича Лотмана к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина.

«Обыкновенную историю» вполне можно назвать, по аналогии с известной оценкой пушкинского «Евгения Онегина», энциклопедией петербургской жизни 1840-х годов. Я считаю, что этот роман Гончарова – один из самых петербургских романов в русской классической художественной литературе. В нем как нигде полно и достоверно представлена жизнь города того времени, отмеченного, как писал сам автор, «только что начинавшейся ломкой старых понятий и нравов»⁷.

⁷ В статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879).